Институт дарообмена у обских угров в антропологическом дискурсе

Е. П. Мартынова

*Тульский государственный педагогический
университет им. Л. Н. Толстого,
г. Тула, Российская Федерация,
ep_martynova@mail.ru*

АННОТАЦИЯ

Введение. Работа написана в дискурсе экономической антропологии. Актуальность исследования института дарения у обско-угорских народов определяется интересом к изучению их традиционной культуры, а также стремлением определить её роль и функции в современном глобальном мире.

Цель: рассмотреть и проанализировать разные виды дарообмена и связанных с ним коммуникаций у обских угров в прошлом и в современных практиках.

Материалы исследования: полевые материалы автора, собранные среди разных групп обских угров; труды авторов второй половины XIX в. – начала XX в., содержащие описание торговых сделок с участием коренного населения Обского Севера.

Результаты и научная новизна. На материалах по обским уграм исследованы родственно-дружеские дарения, связанные с обычаем гостевания, обмен дарами в обрядах перехода, дарообмен с духами, дарообменные отношения с властями в период интеграции в систему российской государственности и элементы дарообмена в торговле. Сущность института дарообмена обнаруживается через теоретические разработки классиков экономической антропологии, прежде всего М. Мосса. Дарение в культуре хантов и манси имеет и реальную, и символическую ценность. Первая эквивалентна стоимости вещей или услуг, а вторая определяется тем, что дары воспринимаются как залог успеха и благополучия в будущем. Дарением запускался своеобразный механизм поддержания связей как между разными коллективами внутри сообщества, так и с внешним миром, включая потусторонние силы.

Ключевые слова: обские угры (ханты и манси), экономическая антропология, дарообмен, реципрокность, традиции, торговля.

Благодарности: Выражаю искреннюю и глубокую благодарность моим многочисленным хантыйским и мансийским информантам, которые помогли мне приблизиться к пониманию иной культуры, ставшей для меня близкой и даже родной. Особая благодарность гостеприимным Альбине и Валере Озеловым, моим спутникам в нескольких экспедициях. Отдельная благодарность – членам редакционной коллегии, рецензентам.

Для цитирования: Мартынова Е. П. Институт дарообмена у обских угров в антропологическом дискурсе // Вестник угроведения. 2021. Т. 11. № 3. С. 546–555.

The institution of gift exchange among the Ob Ugrians in the anthropological discourse

E. P. Martynova

*Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, Tula, Russian Federation,
ep_martynova@mail.ru*

ABSTRACT

Introduction: the work is written in the discourse of economic anthropology. The relevance of the institute of gift-giving among the Ob-Ugric peoples is determined by the interest in the study of their traditional culture, as well as the desire to determine its role and functions in the modern global world.

Objective: to consider and analyze different types of gift exchange and related communications among the Ob-Ugric people in the past and in modern practices.

Research materials: the author's field materials collected among different groups of Ob-Ugric people; works of authors of the second half of the XIX – beginning of the XX centuries, containing descriptions of trade deals with the participation of the indigenous population of the Ob North.

Results and novelty of the research: on the materials about the Ob Ugrians the kinship and friendship gifts connected with the custom of guesting, exchange of gifts in the rites of transition, gift exchange with spirits, gift exchange with the authorities during the period of integration into the system of Russian statehood and elements of gift exchange relations in trade are studied. The essence of the institution of gift-exchange is revealed through the theoretical developments of the classics of economic anthropology, first of all, M. Moss. Gift-giving in Khanty and Mansi culture has both real and symbolic

value. The first one is equivalent to the value of things or services, and the second is determined by the fact that gifts are perceived as a pledge of success and prosperity in the future. The gift was a peculiar mechanism of maintaining ties both between different collectives within the community and with the outside world, including otherworldly forces.

Key words: Ob Ugric (Khanty and Mansi), economic anthropology, gift exchange, reciprocity, traditions, trade.

Acknowledgements: the author expresses the sincere and deep gratitude to Khanty and Mansi informants, who helped to come closer to another culture, which has become close and even native. Special thanks to the hospitable Albina and Valera Ozelovs, my companions in several expeditions. Special thanks to the members of the Editorial Board and reviewers.

For citation: Martynova E. P. The institution of gift exchange among the Ob Ugrians in the anthropological discourse // Vestnik ugrovedenia = Bulletin of Ugric Studies. 2021; 11 (3): 546–555.

Введение

Актуальность исследования института дарения у обско-угорских народов определяется интересом к изучению их традиционной культуры, а также стремлением определить её роль и функции в современном глобальном мире. Несмотря на активное и массированное изучение истории и культуры хантов и манси на рубеже XX–XXI вв., дарообменные отношения не стали предметом специального рассмотрения. В связи с этим автор поставила перед собой задачу охарактеризовать разные типы обменов дарами и связанных с ними коммуникаций в культуре обских угров.

Работа написана в дискурсе экономической антропологии, становление которой как самостоятельной отрасли знаний началось с изучения института дарообмена. Труд М. Мосса «Очерк о даре» (1925 г.) положил начало многочисленным исследованиям по этой проблеме. Он показал, что обмен дарами охватывает все сферы архаического общества и выделил три основных принципа дарообмена: давать / дарить, брать / принимать, возмещать / возвращать дар [16, 152–155, 203–212]. С его точки зрения наиболее значимой для человека является обязанность возместить подаренное, а причины «обязанности вернуть» дар кроются в религиозно-духовной сфере [16, 152]. Согласно М. Моссу, феномен дара противоречивый: он может быть добровольным и принудительным, безвозмездным и корыстным. Учёный обратил внимание на социальный аспект дара, посредством дарения повышается статус дающего [16, 137–139, 141–143].

Учение М. Мосса о даре подверглось критическому переосмыслению и развитию в трудах многих выдающихся антропологов (Б. Малиновского, К. Леви-Стросса, К. Поланьи, М. Годелье и др.). Тем не менее, его работа по-прежнему не теряет актуальности и остаётся фундаментальной и по широте охвата материала, и по разносторонности подходов к осмыслению феномена дарения. Её значимость обусловлена тем, что исследования дара и дарообменных отношений позволяют

понять многие институты рыночного общества.

К. Сайкс подчеркнул: «Теория Мосса об обмене дарами как тотальном социальном факте показывает, что дар является краеугольным камнем всего общества, потому что он заключает в себе заботу о том, что значит быть человеком» [34, 4]. Современные исследования исходят из того, что дарообменные отношения характеризуют не только архаические культуры, они часто проявляются в современном обществе [32].

Представляется актуальным использовать указанные выше теоретические концепции для исследования особенностей дарообменных отношений у обско-угорских народов в прошлом и в наши дни.

Материалы и методы

Основой для написания статьи послужили полевые материалы, собранные в ходе многочисленных этнографических экспедиций автора к разным группам хантов и манси, проходившим с конца 1980-х годов по 2002 г. в Белоярском, Берёзовском, Кондинском, Нефтеюганском, Октябрьском, Ханты-Мансийском районах Ханты-Мансийского автономного округа и Шурышкарском районе Ямало-Ненецкого автономного округа. Полевые исследования включали опрос представителей коренного населения по широкому кругу вопросов, связанных с выявлением особенностей традиционной культуры и этнической истории, а также непосредственное наблюдение за разными сферами жизнедеятельности народов. Особенно значимой для понимания изучаемой проблемы оказалась экспедиция 1991 г. на реки Войкар и Сыня, в ходе которой автор участвовала в гостевой поездке со знакомой семьёй информантов.

Другим видом источников стали труды авторов второй половины XIX в. – начала XX в., совершавших поездки по Северному Приобью. В своих публикациях они отразили наблюдения о посещении ярмарок, на которых велась торговля с инородческим населением края [1; 3; 5; 8].

Основным методом исследования стал антропологический анализ института дарообмена. Эмпирические сведения о дарах и обмене у обско-угорских народов анализируются с использованием концепций классиков экономической антропологии.

Результаты

В заметках о юридических обычаях остяков конца XIX в. отмечается, что дарение между ними «в большом употреблении, и у них существуют случаи даже обязательного дарения... Всякий подарок у остяков требует отдарка... Через взаимные подарки устанавливаются дружеские отношения, называемые “рума”, “логас”, друг. Споры из-за неравных подарков не бывает: всякий дарит и отдаривает по своему состоянию» [18, 24, 25]. В этнографических материалах автора имеется немало подтверждений широкого распространения дарообменных отношений среди обских угров.

Родственно-дружеский дарообмен при гостевании

Анализ института дарообмена у обских угров начну с указания на обмен дарами между родственниками и друзьями, который был тесно связан с традицией гостевания. М. А. Лапина обратила внимание на то, что в хантыйском языке слова «гость» и «подарок» однокоренные: *мой* ‘гость’; *мойу ёх* ‘гости’; *мойлум от* ‘подарок’. Глагол *мойлаты* ‘гостить’ – означает буквально «ехать за подарками» [12, 75]. По сведениям информантов, в гости было принято ездить семьями по праздникам, чаще в зимний период. Обычно гости привозили с собой продукты, которые можно было есть после проведения ритуала «угощения» домашних духов *порылыты*. Для этого их помещали на некоторое время в переднем углу, у очага и у дверей. При отъезде гостей нужно было обязательно одарить. В исключительных случаях одаривание могло быть произведено позже, в срок до трёх лет.

Информанты говорили, что подарки гостям вручали в соответствии с категорией пола и возраста: мужчины – мужчинам, женщины – женщинам, дети – детям. Мужчинам дарили одежду (чаще всего рубашки), кисеты для табака, деревянные и костяные изделия. Самым распростра-

нённым подарком для женщин были платки, могли дариться отрезки ткани, платья, бисер, нагрудные украшения. Дети получали одежду, обувь, игрушки. Самым ценным подарком у оленеводческих групп хантов и манси считались олени (особенно оленья упряжка). В наши дни «ассортимент» подарков расширился за счёт бензина, запчастей для лодочных моторов и снегоходов, мобильных телефонов, детских игр. Согласно традиции, гостю нужно было подарить вещь, понравившуюся ему в доме хозяев. У хантов и манси существовала установка на то, что любой подарок требует отдарка. Считалось, что в случае несоблюдения обычая человека ожидали мучения в загробной жизни.

Помимо подарков, гости обязательно получали еду в дорогу. Упоминание об этом есть у Н. А. Кострова: «Из опасения не угодить, в юртах нам ничего не предлагали, но при отъезде обременяли всевозможными остяцкими лакомствами: свежей и сушёной рыбой, ягодами, пирогами из ягод и т. п.» [11, 50]. Стоит отметить, что и в наши дни среди хантов и манси принято «снабжать» отъезжающих в дорогу продуктами питания. Во время экспедиций я неоднократно сталкивалась с обско-угорским гостеприимством, когда хозяева обеспечивали этнографов рыбой, мясом, ягодами, молоком и т. п. При этом доводилось слышать от информантов, что подобное одаривание не распространяется на чужаков¹. К «чужим» относили тех, кто приезжает «с недобрыми намерениями».

Нужно заметить, что продукты питания не относятся к категории подарков, но они всегда «сопутствуют» дарообмену. На это обратил внимание Б. Малиновский: при обмене подарками происходит раздача продуктов питания [31, 56].

В обско-угорской традиции гостевание и дарообмен воспринимались как подтверждение дружбы и прочных связей между семьями. На это обратил внимание ещё Н. И. Зибер, заметивший, что целью дарения является поддержание взаимных общинно-родовых связей» [6, 142]. М. Мосс также подчёркивал, что субъектами процесса дарообмена являются группы, а не отдельные личности. Подарки (вещи) и сопутствующее им угощение имели значение только в контексте коммуникации. Взаимным дарением стороны

¹ Б. Малиновский по этому поводу отметил, что первобытные народы утрачивают гостеприимство за границами своего круга, где начинается территория врага [30, 60].

подчёркивали свою щедрость, что повышало престиж в глазах окружающих.

Стремление к установлению и поддержанию постоянных контактов между разными группами населения прослеживается в обменах (по предварительному договору) между оленеводами и рыбаками. По традиции, семьи, специализирующиеся на рыболовстве, отдавали своих оленей на выпас в зимний период оленеводам (родственникам или знакомым), а весной «рассчитывались» рыбой. Это был обязательный обмен. Подобный процесс договорного обмена существует и в наши дни: оленеводческие семьи, помимо выпаса оленей родственников и друзей, снабжают рыбацкие семьи оленьей в зимний период, а взамен рассчитывают на помощь в период зимнего забоя оленей и на поставку продуктов. Жители стойбищ и деревень регулярно отправляют рыбу и ягоды в города и крупные посёлки. По сути, между жителями стойбищ («таёжными людьми») и поселковыми / городскими аборигенами существуют взаимные обязательства: первые считают своим долгом обеспечивать вторых рыбой, мясом, ягодами, а вторые – помогать покупными продуктами, хозяйскими и т. п.

С институтом дарения в кругу близких связан обычай дележа первого улова, мяса первого забитого в сезоне оленя. Со слов информантов, такой делёж является обязательным. Несоблюдение традиции чревато негативными последствиями: «Если мясом / рыбой не поделиться, не будет удачи в промысле, случится падёж оленей». В мифологическом аспекте подобное дарение / делёж связано с идеей приумножения [23, 125].

Дарообмен в обрядах перехода

Ритуалы перехода в разных обществах и культурах обычно сопровождаются дарами [30]. Обрядовые практики обско-угорских народов не являются исключением. Особенно много обменов дарами происходило во время свадьбы. Ещё на этапе сватовства принятие подарков стороной невесты считалось согласием на брак. Гости одаривались во время угощения в доме невесты (обычно на третий день свадьбы), а спустя несколько дней – в доме жениха. Чаще всего дарили одежду, отрезки ткани. Ценными подарками считались изделия из металла: колокольчики для оленьих упряжек, бляхи на мужские пояса, подвески для женских нагосников. Родителям жениха и их близким родственникам было принято делать дар «вдвойне»: женщинам по два платка, мужчинам две рубашки или рубашку и джемпер

(пиджак). Обязательными дарами были олени [23, 49]. Свадебные подарки считались престижными, особенно олени, ими гордились и при случае указывали на факт дарения.

Свадебные дары выполняют коммуникативную функцию, посредством дарообмена устанавливаются контакты между родней жениха и невесты, урегулируются отношения между ними. Поскольку подарок требует отдачи, с обряда начиналась цепочка дарообменов, которая продолжалась долгие годы при последующих встречах представителей сторон.

Свадебные дарообмены, как и дружеско-родственные, непременно сопровождались угощением. В. В. Иванов установил, что в индоевропейской терминологии обмена дарами у слов, обозначающих «дар» и «пир» обнаруживаются значения, относящиеся к браку, свадебному дару и свадебному пиру [7, 59]. В хантыйском и мансийском языках можно обнаружить аналогичное совпадение. Слово *мой/муй* в обоих языках означает «гость», «сватовство», «свадьба». В этой связи уместно вспомнить, что у М. Мосса дары, составляющие систему взаимных «тотальных, совокупных поставок», подразумевают и обмен женами. «Пища, женщины, дети, имущество, талисманы, земля, труд, помощь, жреческие услуги, ранги – всё является предметом передачи и возмещения» [16, 155].

Акты дарения были обязательными в родильном обряде. Согласно традиции, у хантыйских и мансийских детей, помимо биологической матери, были ещё три, которые появлялись в ходе родильных ритуалов: перерезавшая пуповину *пукан анки*, «несущая в дом» *алтам анки* и крестная *перна анки* [12, 55; 21, 100–101; 24, 84–85]. За помощь при родах им дарили нарядные платки, помимо этого *алтам аunki* получала нож для рукоделия, которым она перерезала пуповину младенцу, а *пукан аunki* – нагосные украшения. *Перна аunki* вместе с мужем дарила новорожденному крестик. Социальные родители (так М. А. Лапина назвала названных матерей и их мужей) должны были делать ребёнку подарки, в ответ их одаривали одеждой, отрезами ткани, ножами, мехами [12, 56].

Дарообмен с божествами и духами

Известно, что дар как жертва занимает особое место в кругу отношений человека с духами и миром природы [23, 125]. В традиционной культуре обских угров можно найти многочисленные подтверждения этому. Ханты и манси верили, что

божества и духи являются хозяевами рек, озёр, лесов и т. п., а люди только с их разрешения могут пользоваться территорией, добывать рыбу, зверя. Ещё К. Ф. Карьялайнен справедливо отметил, что отношения с духами основывались на принципе: «Дай, и тебе будет дадено» [29, 125]. Поклонение и обращение к духам разного ранга с просьбами сводились у хантов и манси к церемонии жертвоприношений либо пищи (*поры*), либо кровавой жертвы (*йир поры*). Считается, что духи питаются видимым или невидимым «паром», поднимающимся от пищи во время ритуала.

Детальные описания разных видов жертвоприношений у обских угров приводились К. Ф. Карьялайненом, Н. В. Лукиной, И. Н. Гемуевым, С. А. Поповой и др. исследователями. Духам дарили различные вещи: ткани, одежду, шкурки пушных животных, мелкие домашние вещи, монеты, особенно ценились серебряные изделия. Считалось, что дары обязательно будут возмещены духами, которые пошлют людям удачу в промыслах, благополучие, здоровье. Е. С. Новик обратила внимание на то, что жертвоприношение «строится с учётом точки зрения духов», т. е. учитываются потребности духов, которым адресованы жертвы [17, 238].

Х. Губерт и М. Мосс трактовали жертвоприношение как способ взаимодействия людей с сакральным миром, при этом жертва (вещь) во время церемонии уничтожалась [28, 101]. В обско-угорской традиции жертвоприношение сопровождалось коллективной трапезой, в ходе которой поедались принесённые из дома продукты и мясо жертвенного животного. Информанты неоднократно обращали внимание, что мясо должно быть нарезано очень мелко, чтобы в потустороннем мире маленькие кусочки превратились в большие куски, поскольку там предметы приобретают противоположное значение. К. Карьялайнен привёл примеры выбрасывания в реку жертвенных животных (жеребёнка, телёнка, петуха) [29, 149, 176]. Эти действия можно трактовать как жертвенное уничтожение – дар, который будет возмещён духами. Считалось, что убитые животные возродятся по воле духов.

Дарообмен с государством

А. Ю. Конев убедительно показал, что обмен дарами и реципрокные отношения сыграли важную роль в процессе интеграции аборигенов Северо-Западной Сибири в систему Российского государства [9; 10]. Причём такой дарообмен восходит как к обычаям сибирских народов, так

и к церемониалу русской политической жизни. Посольские «поминки» (дары) были распространены на всём пост-ордынском пространстве [9, 46].

На факты взаимного одаривания между русскими властями и вогульскими правителями указывал С. В. Бахрушин, который отметил факт дарения «мягкой рухляди» вогульскими мурзами в ответ на посланных Пелымским воеводой лошадей и сукна [4, 149]. Е. В. Перевалова привела сведения о поездке Обдорского князя Гынды Моликова с остяками Поточейкой Соскиным и Нюпчеком Егличевым в Москву в 1697 г. Гости привезли дары: «две лисицы чернобурые», ценною в 25 и 20 рублей. Государь принял челобитчиков с почётом, не скупясь «на корм, на питьё и на дрова», чтобы им «живучи на Москве сыту быть». Гынде Моликову «с приезду и до пуску» выдавалось «з дворцов еств и питья»: по две чарки вина двойного, по две чарки вина простого, по кружке пива ячменного, по кружке меду паточного, по чарке романыи, да «с кормового дворца по гусю, по курице, по четверти туши бараньей, по четверти масла коровьего, по четверику крупы грешневой» в день. В подарок Гында получил красную однорядку, поднамазень с кружевом, кафтан, соболью шапку и сафьяновые сапоги. Его люди также получали немалое «жалование» и по красной однорядке. В обратную дорогу им было положено «корму на 5 недель» [19, 72]. На первый взгляд, такой дарообмен нельзя считать эквивалентным: за две лисьи шкуры просители получили не только досыта еды и питья, но и полный комплект одежды для князя (причём с самой дорогой, собольей, шапкой), верхнюю одежду для сопровождающих, да ещё и жалованье.

Думаю, можно согласиться с А. Ю. Коневым в том, что в демонстративных угощениях представителей сибирских элит в Москве можно обнаружить аналогии с потлачем, предполагающим ответный дар [9, 47]. За щедрыми угощениями усматривается состязание репутаций. Принимающие от «государя» еду и питьё оказывались в положении должных / обязанных. Московская власть тем самым манифестировала статус дарителя, более высокий по сравнению с одариваемыми, и обязывающий их вернуть дар. Конечно, нельзя сбрасывать со счетов и стремление русских властей подчеркнуть широкими жёстами уважение к местной элите. И после подчинения сибирских инородцев подарки, угощение, «поминки», образующие цепочки дарообмена, обеспечивали ясач-

ные сборы с сибирских народов. Такие реципрокные взаимодействия русских властей с местными элитами способствовали выстраиванию иерархических отношений между государством и туземными сообществами [10, 773].

Возможна и другая трактовка дарообмена с государством. Н. В. Ссорин-Чайков, проанализировал дарение в новое время («дар модерна») с участием государства. Если дар по М. Моссу представляет собой «систему взаимных обязательств», то в случае участия государства дар может принимать форму «добровольной» передачи власти сюзеру [33, 102]. В этом случае дар является актом навязывания воли получателю дара, поскольку он обязан принимать и отдаривать, а это акт власти, эквивалентный завоеванию [33, 107–108].

Дарообменные отношения в торговых сделках

Как отмечалось выше, у авторов второй половины XIX – начала XX в. можно найти описания торговли русских купцов с коренным населением Обского Севера. В них обращается внимание на скрытый характер сделок: остяки и самоеды «от нарт своих подошедши к торговым амбарам, входят в них только тогда, когда в них никого постороннего нет; являясь к знакомым купцам, заслоняют спиною дверь и, вынув из-под своей одежды мягкую рухлядь, торгуются с купцом так скрытно, что никто не знает кто из них, что и за какую цену продал» [1, 416]. М. А. Кастрен подметил, что товар «показывался, однако ж, не каждому, продавец подбирался тайком к какому-нибудь приятелю и тот после надлежащего угощения показывал ему свои богатства» [8, 180]. К. М. Голодников высказал мнение, что причина этого заключалась в стремлении инородцев «скрывать от местного начальства наилучшие меха, долженствовавшие идти в уплату ясака», поскольку их можно было сбыть купцам по большей цене [5, 3].

Наблюдателям торгов бросилось в глаза то, что торговля осуществлялась «под видом дружбы». «Купец являлся в качестве гостя, который ожидал и требовал угощения и внимания и для которого ничего не жалели» [4, 68]. В. В. Бартенев заметил, что «инородец обыкновенно ведёт дело с одним обдорянином, у которого он, обыкновенно, забирает товар (хлеб, чай, табак, сукно, топоры, котлы, ножи и проч.), а сам взамен приносит ему рыбу и шкуры» [3, 59]. В приведённом Д. В. Арзютовым описании торгов на Обдорской ярмарке отмечается, что покупатель «принимает

промышленника в зальце, жену угощают женщины. Расположившись на полу, некоторое время беседуют о событиях, которые имели место за истекший год, о здоровье знакомых и их родни, о состоянии оленей, о промысле» [2, 343]. За такими неформальными отношениями между покупателями и продавцами стоит стремление сторон к продолжению контактов, принятию взаимных обязательств.

Приведённых примеров достаточно для того, чтобы понять, что инородческая торговля не имела характера одноразовой обезличенной сделки. Это были постоянные контакты между знакомыми людьми («знакомцами»). К. Поланьи писал о том, что обмен дарами происходит между людьми, являющимися не просто знакомыми, а чаще всего друзьями или родственниками, в то время как при товарном обмене сделка заключается между малознакомыми или вообще незнакомыми людьми [20]. С ним солидарен Д. Грегори, указавший, что по мере увеличения дистанции родства на смену дарообмену приходит товарообмен [27, 218]. Партнёрские отношения регулярно возобновлялись и поддерживались за счёт отсрочки платежа: получая товары у торговцев, инородцы привозили им пушнину и рыбу через некоторое время.

К этому можно добавить, что, по полевым наблюдениям автора, в системе межличностных взаимоотношений хантов и манси большую роль играет доверие. Доверять можно тому, кого знаешь – родственникам и знакомым, в чьей порядочности и открытости ты уверен. В наши дни, при рыночной экономике и в условиях подъёма экономической активности населения Обского Севера, и при бартерных сделках и при продаже продукции традиционных отраслей хозяйства отмечается стремление представителей коренных народов к выстраиванию системы постоянных контактов при совершении сделок. Клиентализация торговли основывается на реципрокных связях: рыбаки и оленеводы «привязываются» к своим постоянным покупателям [13; 14; 15].

Нужно обратить внимание и на то, что в процессе ярмарочных торгов продавец и покупатель менялись местами. Сначала инородец продавал пушнину и рыбу, а потом покупал у купцов-знакомцев продукты и промышленные товары. Д. Садовников так писал об этом: «Является к продавцу остяк со шкурками, уговаривается о цене каждой и раскладывает десяток их на полу юрты; покупатель кладёт на каждую шкурку

условленную плату; остяк собирает деньги, а покупатель – шкурки. Когда продажа всех шкурок остяком кончена, начинается тем же способом покупка товаров продавца» [22, 12]. В этой связи можно вспомнить Д. Гребера, обратившего внимание на то, что по принципу реципрокности при обмене дарами даритель и получатель меняются ролями [26, 218].

Следует остановиться ещё на одном факте, неоднократно отмечавшемся исследователями. Купцы и торговцы-посредники на Обском Севере выступали в роли кредиторов по отношению к коренному населению: сначала сбывались привезённые товары «в долг», а потом торговец в течение года (с отсрочкой) принимал у остяков и вогулов продукцию промыслов по установленной им цене. Раз в году происходил «расчёт»: торговец с одной стороны, учитывал сумму «долга» (взятых у него товаров), а с другой – стоимость рыбы, шкурок, мяса и пр., принятых от «знакомых». Очень многие инородцы оказывались в долгу у торговцев-«друзей». Как заметил С. С. Шашков, каждая торговая сделка инородцев представляла собой выплату долга, новую ссуду или часть отношений найма [25, 259–261]. О кабале, в которой самоеды и остяки оказывались в результате торговых операций, упоминал и В. В. Бартенев [3, 57–58].

С позиции теории дарообмена М. Мосса такую кабалу, или кредит, можно расценивать как возмещение дара. По его мнению, дар порождает понятие кредита [16, 195]. Аналогичное мнение высказывал Н. И. Зибер: важная функция дара – обеспечение кредита [6, 134–136].

Как видно из приведённых материалов, на рубеже XIX–XX вв. в торговле с инородцами сохранялось множество пережитков дарообменных отношений. К. А. Грегори считает, что реальные торговые практики представляют собой «континуум» экономических отношений между обме-

ном дарами и обменом товарами [27, 17]. Можно согласиться с А. Ю. Коневым в том, что «товарно-денежные отношения не отменили и не вытеснили к началу XX в. сложившиеся формы экономического поведения сибирских народов. Скорее, наблюдался определённый синтез дарообменных и производных от них практик и рыночного института купли-продажи. Взаимопроникновение реципрокных и рыночных взаимодействий стирало границы между обменом товарами и обменом дарами» [9, 52].

Обсуждение и заключение

Приведённые в статье материалы показывают, что дарообменные отношения у обско-угорских народов пронизывают не только экономическую, но и в религиозно-культовую (дарение в обрядах перехода, дары духам) и социально-политическую (родственно-соседские обмены, дары государству) сферы жизни. Сущность института дарообмена обнаруживается через теоретические разработки классиков экономической антропологии, прежде всего М. Мосса. Дарение в культуре хантов и манси имеет и реальную, и символическую ценность. Первая эквивалентна стоимости вещей или услуг, а вторая определяется тем, что дары воспринимаются как залог успеха и благополучия в будущем. Дарением запускался своеобразный механизм поддержания связей как между разными коллективами внутри сообщества, так и с внешним миром, включая потусторонние силы. Дарообмен с духами на обско-угорских материалах требует более детального исследования и осмысления.

В современных экономических практиках хантов и манси сохраняются традиционные принципы дарения. В отличие от прошлого, сейчас доминируют межличностные формы обмена, но они, как и дарообмен, основываются на принципе реципрокности.

Список источников и литературы

1. Абрамов Н. А. Описание Березовского края // Записки РГО. СПб.: Типогр. Императорской АН, 1857. Кн. 12. С. 327–448.
2. Арзютов Д. В. Олени и (или) бензин: эссе об обменах в северо-ямальской тундре // Социальные отношения в историко-культурном ландшафте Сибири. СПб.: МАЭ РАН, 2017. С. 314–348.
3. Бартенев В. В. На крайнем Северо-Западе Сибири (Очерки Обдорского края). СПб.: Типо-литография М. П. Пайкина, 1896. 148 с.
4. Бахрушин С. В. Ясак в Сибири в XVII в. // Научные труды. М.: Изд-во АН СССР, 1955. Т. III. Ч. 2. С. 49–85.
5. Голодников К. Поездка на Обдорскую ярмарку // Тобольские губернские ведомости. 1878. № 14. Часть неофициальная. С. 2–4.
6. Зибер Н. И. Очерки первобытной экономической культуры. М.: Соцэкгиз, 1937. 462 с.

7. Иванов В. В. Происхождение семантического поля славянских слов, обозначающих дар и обмен // Славянское и балканское языкознание. Проблемы интерференции и языковых контактов. М.: Наука, 1975. Вып. 1. С. 50–78.
8. Кастрен М. А. Путешествие по Лапландии, Северной России и Сибири, 1838–1844, 1845–1849. М.: Типогр. А. Семена, 1860. 495 с. (Серия «Магазин землеведения и путешествий». Т. 6. Ч. 2).
9. Конев А. Ю. Дар, дань и торговля: антропология взаимодействия автохтонов Сибири и русских в XVII–XIX вв. // Этнографическое обозрение. 2017. № 1. С. 43–56.
10. Конев А. Ю. Феномен «иноземчества», ясак и дарообмен: народы Поволжья, Урала и Сибири в России конца XVI – начала XVIII веков // Золотоордынское обозрение. 2019. Т. 7. № 4. С. 760–783.
11. Костров Н. А. Нарымский край. Томск: типография губернского правления, 1872. 96 с.
12. Лапина М. А. Этика и этикет хантов. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1998. 115 с.
13. Мартынова Е. П. «Куда сдаёте рыбу и мясо?»: экономические практики на Обском Севере // Вестник угроведения. 2018. Т. 8. № 4. С. 705–715.
14. Мартынова Е. П. Аборигенное предпринимательство в Северном Приобье // Вестник антропологии. 2019. № 2. С. 72–85.
15. Мартынова Е. П. Реципрокность в микроэкономических практиках коренных народов Северного Приобья // XIV Конгресс антропологов и этнологов России: сб. материалов. Томск, 6–9 июля 2021 г. / отв. ред. И. В. Нам. М.; Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2021. С. 640–641.
16. Мосс М. Очерк о даре. Форма и основание обмена в архаических обществах // Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии / пер. с фр., послесл. и коммент. А. Б. Гофмана. М.: КДУ, 2011. С. 134–285.
17. Новик Е. С. Межличная коммуникация как семиотический механизм архаической культуры // Языковое сознание: формирование и функционирование: Сб. ст. М.: Ин-т языкознания РАН, 1998. С. 232–241.
18. Памятная книжка Тобольской губернии на 1884 г. Составлена А. И. Дмитрием-Мамоновым и К. М. Голодниковым. Тобольск: Тип. Тобол. Губерн. правления, 1884. 408 с.
19. Перевалова Е. В. Обские угры и ненцы Западной Сибири: этничность и власть. СПб.: МАЭ РАН, 2019. 350 с.
20. Поланьи К. Экономика как институционально оформленный процесс // Экономическая социология. 2001. Т. 3. № 2. С. 62–73.
21. Попова С. А. Обряды перехода в традиционной культуре манси. Томск: изд-во Томского ун-та, 2003. 178 с.
22. Садовников Д. С реки Ваха Сургутского уезда // Ежегодник Тобольского губернского музея. Вып. 19. Тобольск, 1909. С. 1–27.
23. Славянская мифология: энциклопедический словарь / отв. ред. С. М. Толстая. М.: Междунар. отношения, 2002. 512 с.
24. Талигина Н. М. Обряды жизненного цикла у сыньских хантов. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. 176 с.
25. Шашков С. С. Сибирские инородцы в XIX столетии // Шашков С. С. Исторические этюды: в 2 томах. СПб.: Тип. А. Моригеровскаго, 1872. Т. 2. С. 169–292.
26. Graeber D. Toward an Anthropological Theory of Value: The False Coin of Our Own Dreams. N.Y.: Palgrave, 2001. 337 p.
27. Gregory C. A. Gifts and Commodities. Chicago: Hau Books, 2015. 250 p.
28. Hubert H., Mauss M. Essai sur la nature et la fonction du sacrifice. Paris: PUF, Quadrige, 2016. 201 p.
29. Karjalainen K. F. Die Religion der Jugra-Völker. Helsinki-Porvoo: Werner söderström osakeyhtio, 1922. Vol. II. 388 p.
30. Kim M. A. Comparative Missiologial Study of Sinhalese Buddhist and Sinhalese Christian Attitudes toward the puberty Ritual // Missiology: An International Review. 2012. Vol. XXXVIII. № 4. Pp. 411–430.
31. Malinowski B. The Primitive Economics of the Trobriand Islanders // Culture of the Pacific. Eds. Hardy Th. G., Wallace B. J. London: Collier-Macmillan Limited; New York: The Free Press, 1970. Pp. 51–62.
32. Ssorin-Chaikov N. The Social Life of the State in Subarctic Siberia. Stanford, Calif.: Stanford University Press, 2003. 280 p.
33. Ssorin-Chaikov N. Two Lenins. A Brief Anthropology of Time. Chicago: HauBooks, 2017. 154 p.
34. Sykes K. Arguing with Anthropology: An Introduction to Critical Theories of the Gift. London; New York: Routledge, 2005. 244 p.

References

1. Abramov N. A. *Opisanie Berezovskogo kraya* [Description of Beryozovsky Krai]. *Zapiski RGO* [Notes of the Russian Geographical Society]. Saint-Petersburg: Tip. Imperatorskoj AN Publ., 1857. Book 12. pp. 327–448. (In Russian)
2. Arzyutov D. V. *Oleni i/ili benzin: ehsse ob obmenah v severo-yamal'skoj tundra* [Deer and / or gasoline: an essay about exchanges in the North-Yamal tundra]. *Social'nye otnosheniya v istoriko-kul'turnom landshafte Sibiri* [Social relations in the historical and cultural landscape of Siberia]. Saint-Petersburg: MAEH RAN Publ., 2017. pp. 314–348. (In Russian)
3. Bartenev V. V. *Na krajnem Severo-Zapade Sibiri (Ocherki Obdorskogo kraya)* [In the extreme North-West of Siberia (Essays on Obdorsk region)]. Saint-Petersburg: Tipo-litografiya M. P. Pajkina Publ., 1896. 148 p. (In Russian)
4. Bakhrushin S. V. *Yasak v Sibiri v XVII v.* [Yasak in Siberia in the XVII century]. *Nauchnye trudy* [Scientific works]. Moscow: Izd-vo AN SSSR Publ., 1955. Vol. III. Part 2. pp. 49–85. (In Russian)

5. Golodnikov K. *Poezdka na Obdorskuiu yarmarku* [Trip to the Obdorsk Fair]. *Tobol'skie gubernskie vedomosti* [Tobolsk provincial news], 1878, no. 14, pp. 2–4. (In Russian)
6. Ziber N. I. *Ocherki pervobytnoi ekonomicheskoi kul'tury* [Essays on primitive economic culture]. Moscow: Socekiz Publ., 1937. 462 p. (In Russian)
7. Ivanov V. V. *Proiskhozhdenie semanticheskogo polia slavianskikh slov, oboznachaiushchikh dar i obmen* [The origin of the semantic field of Slavic words denoting gift and exchange]. *Slavianskoe i balkanskoe iazykoznanie. Problemy interferentsii i iazykovykh kontaktov* [Slavic and Balkan linguistics. Problems of interference and language contacts]. Moscow: Nauka Publ., 1975. Iss. 1. pp. 50–78. (In Russian)
8. Kastren M. A. *Pyteshestvie po Laplandii, Severnoi Rossii i Sibiri, 1838–1844, 1845–1849* [Travel to Lapland, Northern Russia and Siberia, 1838–1844, 1845–1849]. *Magazin zemlevedeniya i pyteshestvii* [Journal of Earth Science and Travels]. Moscow: Tipogr. A. Semena Publ., 1860. Vol. 6. Part 2. 495 p. (In Russian)
9. Konev A. Yu. *Dar, dan' i trgovlia: antropologiya vzaimodeistviia avtokhtonov Sibiri i russkikh v XVII–XIX vv.* [Gift, tribute and trade: anthropology of interaction between the natives of Siberia and the Russians in the XVII–XIX centuries]. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review], 2017, no. 1, pp. 43–56. (In Russian)
10. Konev A. Yu. *Fenomen «inozemchestva», yasak i daroobmen: narody Povolzh'ia, Urala i Sibiri v Rossii kontsa XVI – nachala XVIII vekov* [The phenomenon of «foreignness», yasak and gift exchange: the peoples of the Volga region, the Urals and Siberia in Russia of the late XVI – early XVIII centuries]. *Zolotoordynskoe obozrenie* [Golden Horde Review], 2019, no. 7 (4), pp. 760–783. (In Russian)
11. Kostrov N. A. *Narymskii krai* [Narym region]. Tomsk: Tipografiia gubernskogo pravleniia Publ., 1872. 96 p. (In Russian)
12. Lapina M. A. *Etika i etiket khantov* [Ethics and etiquette of the Khanty people]. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta Publ., 1998. 115 p. (In Russian)
13. Martynova E. P. «Kuda sdaete rybu i miaso?»: ekonomicheskie praktiki na Obskom Severe [«Where do you sell fish and meat?»: economic practices in the North Ob]. *Vestnik ugrovedeniia* [Bulletin of Ugric Studies], 2018, no. 8 (4), pp. 705–715. (In Russian)
14. Martynova E. P. *Aboriginnoe predprinimatel'stvo v Severnom Priob'e* [Aboriginal entrepreneurship in the Northern Ob region]. *Vestnik antropologii* [Bulletin of Anthropology], 2019, no. 2 (46), pp. 72–85. (In Russian)
15. Martynova E. P. *Retsiproknost' v mikroekonomicheskikh praktikakh korennykh narodov Severnogo Priob'ia* [Reciprocity in the microeconomic practices of the indigenous peoples of the Northern Ob region]. *XIV Kongress antropologov i etnologov Rossii: sb. materialov. Tomsk, 6–9 iuliia 2021 g.* [XIV Congress of Anthropologists and Ethnologists of Russia: collection of materials. Tomsk, July 06–09, 2021]. Ed. by I. V. Nam. Moscow; Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo gosudarstvennogo universiteta Publ., 2021. pp. 640–641. (In Russian)
16. Mauss M. *Ocherk o dare. Forma i osnovanie obmena v arkhaiskikh obshchestvakh* [Essay about the gift. The form and basis of exchange in archaic societies]. *Obshchestva. Obmen. Lichnost'. Trudy po sotsial'noi antropologii* [Societies. Exchange. Personality. Works on social anthropology]. Ed. by A. B. Gofman. Moscow: KDU Publ., 2011. pp. 134–285. (In Russian)
17. Novik E. S. *Mezhlichnaia kommunikatsiia kak semioticheskii mekhanizm arkhaiskoi kul'tury* [Interpersonal communication as a semiotic mechanism of archaic culture]. *Yazykovoie soznanie: formirovanie i funktsionirovanie. Sbornik statei* [Language consciousness: formation and functioning. Collection of articles]. Moscow: Institut yazykoznaniiya RAN Publ., 1998. pp. 232–241. (In Russian)
18. *Pamiatnaia knizhka Tobol'skoi gubernii na 1884 god. Sostavlena A. I. Dmitriem-Mamonovym i K. M. Golodnikovym* [The memorial book of the Tobolsk province for 1884. Compiled by A. I. Dmitry-Mamonov and K. M. Golodnikov]. Tobolsk: Tipografiia Tobol'skogo gubernskogo pravleniia Publ., 1884. 408 p. (In Russian)
19. Perevalova E. V. *Obskie ugry i nentsy Zapadnoi Sibiri: etnichnost' i vlast'* [Ob Ugrians and Nenets of Western Siberia: ethnicity and power]. Saint-Petersburg: MAE RAN Publ., 2019. 350 p. (In Russian)
20. Polanyi K. *Ekonomika kak institucional'no oformlennyi protsess* [Economics as an institutionalized process]. *Ekonomicheskaiia sotsiologiia* [Economic sociology], 2001, no. 3 (2), pp. 62–73. (In Russian)
21. Popova S. A. *Obriady perekhoda v traditsionnoi kul'ture mansi* [Rites of transition in the traditional Mansi culture]. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta Publ., 2003. 178 p. (In Russian)
22. Sadovnikov D. *S reki Vaha Syrgytskogo yezda* [From the Vakh River of Surgut county]. *Ejegodnik Tobolskogo gybernnskogo myzeia* [Yearbook of the Tobolsk Provincial Museum], 1909, no. 19, pp. 1–27. (In Russian)
23. *Slavianskaia mifologiya: entsiklopedicheskii slovar'* [Slavic mythology: encyclopedic dictionary]. Ed. by S. M. Tolstaya. Moscow: Mezhdunar. Otnosheniia Publ., 2002. 512 p. (In Russian)
24. Taligina N. M. *Obriady zhiznennogo tsikla u synskikh khantov* [Rites of the life cycle of the Synya Khanty]. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta Publ., 2005. 176 p. (In Russian)
25. Shashkov S. S. *Sibirskie inorodci v XIX v.* [Siberian foreigners in the XIX century]. *Istoricheskie etyudi* [Historical essays]. Saint-Petersburg: Tip. A. Morigerovskogo Publ., 1872. Vol. 2. pp. 169–292. (In Russian)
26. Graeber D. *Toward an Anthropological Theory of Value: The False Coin of Our Own Dreams*. N.Y.: Palgrave, 2001. 337 p. (In English)
27. Gregory C. A. *Gifts and Commodities*. Chicago: Hau Books, 2015. 250 p. (In English)

28. Hubert H., Mauss M. *Essai sur la nature et la fonction du sacrifice*. Paris, PUF, Quadrige, 2016. 201 p. (In French)
29. Karjalainen K. F. *Die Religion der Jugra-Völker*. Vol. II. Helsinki-Porvoo: Werner söderström osakeyhtio, 1922. 388 p. (In German)
30. Kim M. A. Comparative Missiological Study of Sinhalese Buddhist and Sinhalese Christian Attitudes toward the puberty Ritual. *Missiology: An International Review*, 2012, no. XXXVIII (4), pp. 411–430. (In English)
31. Malinowski B. *The Primitive Economics of the Trobriand Islanders*. *Culture of the Pacific*. Hardy Th. G., Wallace B. J. (eds.). London: Collier-Macmillan Limited; New York: The Free Press, 1970. pp. 51–62. (In English)
32. Ssorin-Chaikov N. *The Social Life of the State in Subarctic Siberia*. Stanford, Calif.: Stanford University Press, 2003. 280 p. (In English)
33. Ssorin-Chaikov N. *Two Lenins. A Brief Anthropology of Time*. Chicago: HauBooks, 2017. 154 p. (In English)
34. Sykes K. *Arguing with Anthropology: An Introduction to Critical Theories of the Gift*. L.; N. Y.: Routledge, 2005. 244 p. (In English)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Мартынова Елена Петровна, профессор кафедры истории и археологии, Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого (300026, Российская Федерация, Тульская область, Тула, пр. Ленина, 125), доктор исторических наук.

ep_martynova@mail.ru

ORCID: 0000-0003-1132-2286

ABOUT THE AUTHOR

Martynova Elena Petrovna, Professor, Chair of the History and Archeology, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University (300026, Russian Federation, Tula Oblast, Tula, Lenin av., 125), Doctor of Historical Sciences.

ep_martynova@mail.ru

ORCID: 0000-0003-1132-2286